

І. Жизнь и творчество

А. А. Гусейнов

Александр Зиновьев. **Энциклопедическая справка**

Из советских философов — тех, кто родился, вырос, жил в СССР, духовно формировался и работал в советских философских учреждениях, кто фактом своей биографии вольно или невольно впитал в себя советский стиль жизни, строй повседневных ценностей и принадлежал к особому виду социальных субъектов, получивших с легкой руки нашего героя наименование гомо советикус, — Александр Александрович Зиновьев является самой колоритной и показательной фигурой.

Он колоритен многими особенностями творчества и судьбы, но прежде всего тем, что в условиях идеократического государства сумел сохранить свободу духа и действия, вести независимые исследования в областях, прямо смыкавшихся и находившихся под контролем официальной идеологии. Достаточно сказать, что он, сделав блестящую философскую карьеру и работая в головном, находившемся под прямым присмотром ЦК КПСС научном институте, ни разу ни в книгах, ни в других публичных текстах не идентифицировал себя в качестве марксиста, приверженца философии диалектического и исторического материализма. При этом надо иметь в виду, что вера в марксизм-ленинизм в те годы была таким же общим местом и нормой для образованного человека, как вера в Бога в Средние века. Несмотря на эту исключительность, Зиновьев является самым показательным среди советских философов именно в качестве советских по той причине, что никто среди них (по крайней мере среди тех, кто вообще что-то значит в философии) так полно не слился со своей эпохой и не сделал ее научное понимание основным фокусом своей исследовательской работы.

Как бы ни оценивать место Зиновьева в советской философии, одно несомненно: он стал самым ее выдающимся представителем, получившим несомненную мировую известность. Правда, здесь следует сразу оговориться, что он не был философом в том привычном смысле, которое закрепилось за этим понятием в последние полтора столетия в рамках университетского разделения профессиональных компетенций. В философии Зиновьев занимался по преимуществу логикой, которая все более и более оформляется в самостоятельную область знания, чему сам он немало способствовал. А затем начиная с середины 70-годов и вовсе сосредоточил свое внимание на социальных исследованиях и излагал свои результаты по преимуществу в форме художественных произведений. И его широкая слава — прежде всего слава социолога и писателя. Его можно считать философом в широком возрожденческом смысле слова. Зиновьев был мыслителем, соединявшим своим творчеством и своей личностью в рамках цельного миропонимания различные области человеческого духа — философскую методологию, логику, социологию, литературу, этику.

Предлагаемый краткий очерк жизни и творчества А. А. Зиновьева выполняет функцию введения, общего обзора и предваряет последующий анализ их различных аспектов.

Александр Александрович Зиновьев родился 29 октября 1922 г. в деревне Пахтино Чухломского района Костромской области четвертым ребенком в многодетной (состоящей из 11 детей) семье, которая сочетала крестьянский труд с отходным ремеслом. В течение 30-х годов семья постепенно вся переехала в Москву. Семья Зиновьевых имела крепкие корни и была дружной. Достаточно сказать, что в трудные для Александра Александровича годы, когда он подвергся в стране остракизму, был изгнан из нее, объявлен врагом, четверо его братьев и две сестры, другие ближайшие родственники проявили полную с ним солидарность, сопряженную с риском для их карьеры и благополучия, не предали его, хотя их к этому принуждали. Сам Зиновьев был лишен чувства семейного эгоизма, но тем выше ценил то, что можно назвать семейным достоинством, исключительно ответственно относился к своим обязанностям отца.

Зиновьев рано обнаружил способности и интерес к учебе, особенно отличался математическим даром, обладал цепкой и емкой памятью, которая не изменяла ему до последних дней жизни и которую он постоянно тренировал (в частности, отгадывая кроссворды, решая математические задачи, составляя максимальное количество новых слов из ограниченного числа букв, входящих

в какое-нибудь слово). Среднего роста (170 см), хорошо сложенный, он обладал крепким телом, красивым лицом, смелой натурой, в юности даже участвовал в соревнованиях по боксу, для него была характерна быстрая целеустремленная походка, голос его был густой, слегка хриплый. В целом, можно сказать, природа на него не поскупилась, она щедро одарила его и интеллектуально, и физически.

Отлично окончив московскую среднюю школу, Зиновьев поступил в 1939 г. в Московский институт философии, литературы и истории (ИФЛИ) — основной в СССР гуманитарный вуз университетского типа в те годы. По его собственному свидетельству, к тому времени у него сформировалось отрицательное мнение о политике Сталина, он вынашивал мысли о покушении на него. Об этом стало известно органам государственной безопасности, спасаясь от которых, Зиновьев оставил учебу, колесил по стране и в 1940 г. ушел в Красную Армию, в которой прослужил до 1946 г. Участвовал в Великой Отечественной войне в качестве танкиста и боевого летчика штурмовой авиации, закончил ее в Берлине в 1945 г. в чине старшего лейтенанта. В 1946—1954 гг. Зиновьев — студент, аспирант философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Зиновьев окончил университет с отличием. Среди студентов он выделялся активной жизненной позицией, независимостью и оригинальностью суждений. Его карикатуры в факультетской стенгазете и университетской многотиражке, сопровождаемые острыми поэтическими подписями, быстро завоевали популярность, стимулировали критическое и ответственное отношение студентов и преподавателей к своему делу. По свидетельству однокурсников, уже на третьем году обучения Зиновьев стал центром студенческого философского вольнодумия и пользовался в их среде научным авторитетом. Выступая против философской демагогии, он выработал убеждение, согласно которому философские утверждения должны сочетать логическую убедительность с фактической проверяемостью. Ему он оставался верен всю жизнь. Он был одним из зачинателей философского фольклора, направленного против господствовавшей в те годы идеологической схоластики. Автор этих строк начал учиться на том же факультете, на котором учился Зиновьев, на десять лет позже. Но и для нас его передаваемые из уст в уста шутки оставались веселым источником антидогматического вдохновения. Так, знаменитый одиннадцатый тезис К. Маркса о Фейербахе «Философы лишь различным образом объясняли мир, задача же состоит в том, чтобы изменить

его» Зиновьев переиначил так: «Философы лишь различным образом объясняли мир, теперь же они и этого не делают». Ленинское определение: «Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях» он дополнил лишь одним словом, и получилось: «Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях Богом». Надо было знать, как навязчиво официальная философия и ее преподавание злоупотребляли этими высмеиваемыми Зиновьевым формулами, чтобы понять, насколько очищающими, творчески насыщенными были его шутки.

В 1954 г. Зиновьев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале “Капитала” К. Маркса)»*. Она стала по отношению к предшествующей советской философии настоящим исследовательским прорывом, положила начало аналитически ориентированной линии развития отечественной философии, школе Зиновьева, из которой вышли такие видные фигуры интеллектуальной жизни России второй половины XX в. как Б. А. Грушин, М. К. Мамардашвили, Г. П. Щедровицкий. В ней было показано, что метод восхождения от абстрактного к конкретному сам является конкретным — представляет собой сложный и дифференцированный по своей структуре прием исследования, включающий множество более конкретных приемов и мыслительных навыков. В число последних входят также правила формальной логики, которые выступают в рамках научного метода не универсальными регуляторами, а лишь деталями, техническими средствами. Метод восхождения, раскрытый в его универсальной логической структуре, не является по мысли автора схемой (общей посылкой), которую остается лишь распространить на различные частные случаи. Его применение каждый раз должно совершаться с учетом всей специфики и совокупности развития конкретной науки. Не только диссертация Зиновьева, но и сама процедура ее защиты стала значительным общественным явлением. Защита проходила несколько дней при битком набитой аудитории, поддерживающей Зиновьева в его уверенном, методичном противостоянии консервативно настроенным членам совета.

С 1955 по 1976 г. Зиновьев работает научным сотрудником Института философии АН СССР, ведя одновременно преподавательскую работу в вузах Москвы, в том числе короткое время (1965—1968) заведывая кафедрой логики философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Эти годы он считал лучшими в своей

* Издана она была впервые в 2002 г. в качестве подарка Института философии РАН к 80-летию юбилею автора.

жизни, навсегда сохранил привязанность, даже тоску по Институту философии, и статус его старшего научного сотрудника считал пределом мечтаний для исследователя.

Его научный интерес в эти годы сосредоточен на проблемах логики. Результаты его логических исследований опубликованы в книгах: «Философские проблемы многозначной логики» (1960, защищена в качестве докторской диссертации); «Логика высказываний и теория вывода» (1962); «Основы научной теории научных знаний» (1967); «Комплексная логика» (1970); «Логика науки» (1972); «Логическая физика» (1972); «Логические правила языка» (1975, совместно с Х. Весселем на немецком языке). Из шести его монографий по логике, вышедших в Москве в период с 1960 по 1972 г., пять сразу же (с перерывом в один-два года) были переведены на английский или немецкий языки («Комплексная логика» — сразу на оба) и изданы в странах Западной Европы — явление для нашей философской науки исключительное как в те годы, так и в наши дни. Корпус логических сочинений Зиновьева впоследствии дополнился обобщающими трудами «Очерки комплексной логики» (2000), «Логический интеллект» (2005), а также специальным исследованием «Логическая социология» (2002). Зиновьев явился одним из пионеров развития математической логики в России, внес вклад в такие ее области, как многозначная логика и теория логического следования. Одновременно он разрабатывает собственную логическую теорию, названную им комплексной логикой и исходящую из особого понимания самого предмета логики. Логика, считает он, имеет дело с языком, взятом лишь в одном качестве — в качестве искусственно изобретенной и отделенной от человеческого тела знаковой системы, призванной фиксировать, хранить, передавать и наращивать знания. Она выделяет в языке компоненты, образующие структуру знаний (термины, высказывания, терминообразующие и высказывающие операторы и другие производные от них и обслуживающие их знаки), подвергает их особой обработке и устанавливает правила оперирования ими. Он выступил против подмены логики математическим аппаратом, за восстановление ее суверенитета как особой науки, лежащей в основе всех прочих наук, включая и математику. Он сформировал фундаментальное положение, согласно которому в науке не должно быть проблем, неразрешимых по вине логики. В целом его реформа логики была направлена на такое переосмысливание ее основ, при котором она служит целям эмпирических наук.

Успехи и мировое признание, которое он получил в качестве логика, обернулись для Зиновьева трудностями в профессиональ-

ной работе, осложнили его взаимоотношения с коллегами (см. об этом статью А. М. Фединой). Это стало непосредственным толчком, побудившим его изменить тематику, а в каком-то смысле — и вектор творчества.

В 1976 г. в швейцарском издательстве «L'AGE D'HOMME» выходит написанная в подполье и тайно пересланная на Запад книга Зиновьева «Зияющие высоты», обозначившая новое направление его интеллектуальных усилий и круто изменившая его личную судьбу. Книга получила мировую известность, переведена более чем на 20 языков. Рядом критиков она включается в десятку лучших романов прошлого столетия. Обозначая масштаб и глубину осуществленного в этом произведении художественного проникновения в жизнь, многие сравнивали Зиновьева с Рабле, Свифтом, Салтыковым-Щедриним. «Зияющие высоты» представляют собой критическое исследование советского социального строя, выполненное в художественной форме. Она была воспринята сквозь призму идеологического противоборства в «холодной войне», и фигура Зиновьева была клиширована в качестве антикоммуниста. Зиновьев был уволен с работы, выслан из страны, лишен гражданства и вместе с ним всех государственно санкционированных ученых степеней, званий, боевых наград. Вокруг имени Зиновьева в СССР была создана атмосфера полного умолчания, нельзя было даже ссылаться на его логические труды, перемещенные в закрытые фонды библиотек. С 1978 по 1999 г. он находился в эмиграции, жил в Мюнхене (Германия), не имея постоянного места работы и источника существования. Он много ездил по миру, участвовал в конференциях, выступал с лекциями в университетах, встречался с выдающимися писателями, мыслителями, политическими деятелями. В эти годы он продолжил научно-художественный анализ советского общества в романах и повестях: «Светлое будущее» (1978), «В преддверии рая» (1979), «Записки ночного сторожа» (1979), «Желтый дом» в двух томах (1980), «Гомо советикус» (1982), «Пара беллум» (1982), «Нашей юности полет» (1983). В 1980 г. выходит его научный труд «Коммунизм как реальность», за который по представлению Р. Арона он получил премию Алексиса де Токвиля. Одновременно появляется большое количество научно-публицистических статей, докладов, лекций, интервью, уточняющих и развивающих его теоретические и социально-политические позиции; они лишь отчасти опубликованы в авторских сборниках «Без иллюзий» (1979); «Мы и Запад» (1981); «Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983).

Зиновьев отбросил в качестве ненаучного господствовавший в официальном общественном сознании подход, который рассматривал реально возникшее в стране общество сквозь призму марксистских схем, и меру его коммунистичности определял степенью соответствия этим схемам. По его мнению, общество советского типа и есть реальный коммунизм, другого коммунизма не существует, более того, он в принципе невозможен. С этой точки зрения он подверг критике марксистские представления о коммунизме в качестве светской, хотя и хорошо разработанной идеологии, призванной скрыть сущность нового социального строя и тем самым способствовать его становлению и самосохранению. Наличие экономического и социального неравенства, классов, необходимость государства, денег и других факторов, включая многообразные уродства межчеловеческих отношений, которые считались историческими чертами и язвами капитализма, подлежащими уничтожению вместе с самим капитализмом, на самом деле являются нормальным выражением законов социальности.

Законы социальности, считал Зиновьев, суть законы экзистенциального эгоизма, которые от законов зоологического индивидуализма отличаются тем, что они в силу способности людей к познанию мира и рациональной организации своей деятельности обнаруживаются с большей изощренностью и неотвратимостью. Под законами социальности он понимает законы функционирования больших масс людей, следование которым является необходимым условием эффективной деятельности индивидов в качестве социальных субъектов, т. е. членов социальных объединений. В качестве одного из основополагающих таких законов он рассматривал закон, в силу которого социальное объединение расчленяется на тех, кто командует, и тех, кто подчиняется, и распределение благ в нем происходит соответственно месту субъекта во властной иерархии. В социальных объединениях Зиновьев выделяет три основных аспекта: деловой, коммунальный и идеологический (менталитетный). Они характеризуют отношения, складывающиеся между социальными субъектами в зависимости от их деловой эффективности, места в иерархической социальной структуре и ментальных представлений. Конкретные общества отличаются друг от друга тем, какое из этих фундаментальных отношений человеческого общежития становится доминирующим и разворачивается в специальные закономерности, придающие ему своеобразный облик. Капиталистические общества сложились на преимущественной основе деловых (товарных) отношений и стали обществами экономическими. Общество советского типа вы-

росло с преимущественной опорой на коммунальные отношения, превратившиеся в этом случае из общесоциальных законов в специальные закономерности функционирования коммунистического общества. Поэтому ключевым для понимания реального коммунизма является анализ отношений между людьми в трудовом коллективе и отношений между коллективами в обществе.

В ходе познания реального коммунизма Зиновьев пользуется как привычными для гуманитарных исследований жанрами статей, эссе, трактатов, так и новым, специальным разработанным им для этих целей синтетическим научно-литературным жанром социологических романов и повестей. В первых он подвергает логической обработке язык, на котором люди думают и выражают свои мысли (говорят, читают, пишут) о социальных объектах вообще и о коммунистическом обществе в особенности. Во вторых раскрывает закономерности, механизм функционирования коммунистического общества и конструирует его живой объемный образ. Описывая советский коммунизм, Зиновьев в своих романах наглядно воссоздает его внутреннюю социальную сущность, отвлекаясь или оставляя на заднем плане все несущественные для понимания его социального качества детали, действуя в этом случае подобно художнику-карикатуристу, который выпячивает наиболее характерный признак изображаемого лица. Его страна Ибания из «Зияющих высот», гомо советикус из одноименной повести, Институт идеологии из «Желтого дома» — это Советский Союз, советский человек, советский коллектив, мысленно, в экспериментально очищенном виде воссозданные автором на основе научного исследования этих феноменов.

Эстетические особенности социологических романов и повестей состоят в следующем: в них а) сюжетная линия играет ничтожную роль, практически отсутствует, она заменяется калейдоскопически сменяемыми человеческими ситуациями; б) практически нет описаний природы, интерьера, дизайна событий, все сосредоточено на непосредственных отношениях людей, их разговорах и действиях по отношению друг к другу; в) герои — не живые индивиды, а носители определенных социальных функций, часто у них нет собственных имен, а только обозначения выполняемых ими ролей («мыслитель», «болтун», «претендент», «брат», «заибан» и т. д.); г) люди и ситуации не поддаются однозначной оценке, добро и зло, высокое и низкое, героическое и подлое в них органично соединены между собой.

В середине 80-х годов XX в. начался новый этап в творчестве Зиновьева: он изменил акценты и тональность в анализе совет-

ского коммунизма, а также расширил тематику исследований, обратившись к изучению социального строя современного Запада.

Он охарактеризовал перестройку как неадекватный ответ на кризис коммунистического строя. В действительности речь следовало вести о кризисе управления, но руководством КПСС во главе с М. С. Горбачевым он был неправильно воспринят в качестве кризиса образа жизни, самого строя. Зиновьев предрек, что Перестройка приведет не к официально прокламированному обновлению социализма, а к его краху. Ясно и резко обозначая свою позицию, он назвал ее Катастрофой. Этот сбывшейся прогноз Зиновьева является, пожалуй, одним из несомненных доказательств верности его анализа советского коммунизма. Вместе с тем он показывает, с каким мужеством этот человек умел отстаивать свои научные позиции. Надо иметь в виду, что когда он ставил под сомнение прокламируемые цели Перестройки и вскрывал ее прямо противоположную объективную логику, он шел против течения. Все мы, кого обычно именовали представителями прогрессивного человечества и у нас в стране, и за рубежом, были в состоянии эйфории и благодушных ожиданий. Голос Зиновьева выпадал из этого всеобщего ора. Он не просто обозначает свою новую позицию, а начинает целеустремленно ее обосновывать, энергично и дерзко пропагандировать. Этому посвящены его книги «Катастрофка» (1988), «Горбачевизм» (1988), «Смута» (1994), «Русский эксперимент» (1994), «Посткоммунистическая Россия» (1996).

При рассмотрении советского опыта в его трудах стало доминировать заинтересованное понимание. Критика и общественное мнение усмотрели в этом изменение позиции Зиновьева. Сам он считал, что изменились акценты в его отношении к коммунизму, но не позиция. Он характеризовал себя как критика коммунизма, но не как антикоммуниста. В гибели коммунизма он видел двоякую опасность: во-первых, для России, так как он считал коммунизм наилучшей формой социальной организации именно для России, имея в виду своеобразное качество человеческого материала, представленное русским народом («целились в коммунизм, попали в Россию», — афористично выразил он свою позицию); во-вторых, для мира в целом, так как обрывалась одна из двух важнейших линий социальной эволюции современного человечества, противостоявшая и дополнявшая линию западнизма.

Исследование современного Запада (см. его работы «Запад», 1995; «Глобальный человек», 1997) привело Зиновьева к выводу, что там после Второй мировой войны стал устанавливаться новый социальный строй, названный им западнизмом, который,

как и советский коммунизм, имеет глобальную природу и является сверхобществом. Победа западнизма над коммунизмом открывает ему путь для доминирования в мире и создания иерархизированной структуры человечества, где вокруг Запада как привилегированного центра будут располагаться другие народы, образуя более низкие по рангу социальные пояса и борясь между собой за степень близости к Западу.

В итоге исследований коммунизма и западнизма, их борьбы между собой Зиновьев систематизировал свои социологические представления, дополнив их новыми понятиями человеичника, предобщества, общества и сверхобщества (см. его монографию «На пути к сверхобществу», 2001). Также типы объединений людей, как коммунизм и западнизм, различаются между собой по характеру социальной организации, степени адекватности соответствующему человеческому материалу, но не по критерию прогрессивности; социология Зиновьева не знает оценочных суждений, отрицает историзм как методологический принцип познания общества. Победу западнизма над коммунизмом в холодной войне Зиновьев рассматривал как всемирно-историческое поражение России и опасность для всего человечества. Но это вовсе не значит, что, с его точки зрения, победа советского коммунизма и распространение его влияния на весь мир было бы лучшим, более предпочтительным исходом. Такой сценарий развития, по его мнению, был бы значительно хуже.

В 1990 г. Зиновьев был восстановлен в гражданстве, соотечественники получили открытый доступ к его трудам. В 1999 г. он вернулся на постоянное место жительства в Москву, стал работать профессором МГУ им. М.В. Ломоносова, преподавал в других вузах страны, возобновил работу в Институте философии РАН, активно участвовал в общественно-политической жизни в качестве публициста, эксперта, лидера общественного мнения, особенно авторитетного в левоориентированных кругах населения. В Московском гуманитарном университете был создан исследовательский центр Зиновьева. С участием Зиновьева и вокруг него происходили различные общественно значимые события (конференции, выставки, лекции и т. д.). Зиновьев относился критически к складывающемуся в России после 1991 г. социальному устройству, считая его вторичным образованием, представляющим собой смесь западных заимствований, советского наследия и элементов царского прошлого (см. его работы: «Идеология партии будущего», 2003; «Распутье», 2005). В эти годы он вернулся к философско-этическим и философско-методологическим проблемам.

В 2003 г. были переизданы социологические повести «Иди на Голгофу» (1985), «Живи» (1988), а также поэмы «Евангелие для Ивана» (1984) и «Мой дом — моя чужбина» (1983), в которых наряду с автобиографическим произведением «Исповедь отщепенца» (последнее, дополненное издание 2005 г.) излагается этико-нормативная программа Зиновьева, названная им учением о житии, или зинovieйгой. Научный подход к познанию общества, считает Зиновьев, состоит в том, чтобы относиться к нему с такой же объективностью и беспристрастностью, с какой зоолог изучает муравейник, не предлагая никаких проектов его более разумного устройства. Усовершенствование общества в том смысле, в каком это предлагалось марксизмом и иными идеологиями и утопиями, невозможно в принципе. С обществом, с его жестокими законами социальности человек ничего не может сделать. Это не значит, что он не может ничего сделать со своей жизнью. Может, но только в той мере, в какой восстает против социальности. В пространстве социальности нет места для человеческой свободы и морали; последние возникли, во-первых, как индивидуально-личностный способ существования и, во-вторых, за пределами социальности, как уклонение от ее законов. На этих предпосылках строится учение о житии. Говоря об уклонении от социальности, Зиновьев имеет в виду активное противостояние ее звериным законам. Учение о житии есть учение о том, как быть личностью несмотря ни на что, как быть ею среди мерзости бытия, в условиях оргии коллективизма и коммунальности, «как быть святым без отрыва от греховного производства». Социальность и мораль в миропонимании Зиновьева связаны между собой в своей противоположности. Социальность релятивирует мораль, чтобы можно было легко переходить от добра ко злу и обратно, утилизируя эти понятия в целях экзистенциального эгоизма: без этого она не могла бы считаться формой и результатом человеческой деятельности. Мораль в понимании Зиновьева учит жить в таком разрезе бытия, в котором теряют смысл понятия добра и зла, она существует как отрицание социальности в рамках самой социальности и не имеет иной предметности, кроме такого отрицания.

Последним произведением Зиновьева, которое он завершил за несколько недель до кончины, стала вышедшая посмертно книга «Фактор понимания» (2006), в которой он подводит итог жизни, излагает свое мировоззрение в единстве философско-методологических, логических, социологических и этических аспектов.

Свое миропонимание Зиновьев выражал также в поэтическом творчестве и изобразительном искусстве. Стихи Зиновьева

помимо указанных выше поэм обильно вкраплены в его социологическую прозу. Зиновьев-художник мало известен широкой публике, хотя было несколько его выставок в Москве, Женеве, других городах, издано несколько альбомов. Изобразительное творчество сохранено в семейной коллекции лишь отчасти, большинство же картин и рисунков было раздарено Зиновьевым друзьям и знакомым, растеряно в ходе вынужденных скитаний, их судьба неизвестна.

До настоящего времени нет полного собрания сочинений Зиновьева, а многие его лекции, статьи, доклады, интервью не учтены в его библиографических сводках. Творчеству Зиновьева посвящен ряд монографий и коллективных трудов, множество аналитических статей, рецензий, хотя в целом систематическое и глубокое его изучение остается делом будущего.

Зиновьев скончался в Москве после короткой тяжелой болезни 10 мая 2006 г. Его прах (согласно завещанию) развеян над полем, где раньше располагалась его обезлюдевшая и исчезнувшая со временем деревня; на этом месте установлен валун. Часть праха по воле жены, друга, помощника и соратницы последних 40 лет жизни Ольги Мироновны Зиновьевой (Сорокиной) захоронена в Москве на Новодевичьем кладбище; в первую годовщину его смерти здесь был открыт созданный по семейному проекту надгробный памятник, на котором личность Зиновьева охарактеризована двумя словами: *мыслитель и гражданин*.

Над выходом из крематория, в котором закончил жизненный путь главный персонаж «Зияющих высот», были начертаны слова: «Уходя, заberi урну со своим прахом с собой». Александру Александровичу Зиновьеву не удалось забрать с собой урну со своим прахом.